

На правах рукописи

Камратова Марина Александровна

**АНТИУТОПИЧЕСКАЯ И УТОПИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА,
БОРИСА АКУНИНА)**

Специальность 10.01.01 – русская литература
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2016

Работа выполнена на кафедре общей и прикладной филологии, литературы и русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель:

Десятов Вячеслав Владимирович,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Рогова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории литературы и фольклора ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет».

Защита состоится 10 июня в 13 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.172.03, созданного на базе ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, к.3, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». Диссертация размещена на сайте ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» 9 марта 2016 года (http://www.nspu.ru/upload/nauka/obyav_zaw/diss_Kamratova.pdf).

Автореферат разослан «__» апреля 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Булыгина Елена Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению творчества Виктора Пелевина и Бориса Акунина в контексте (анти)утопической литературной традиции.

Актуальность

Виктор Пелевин и Борис Акунин – признанные мастера современной русской прозы, чьи произведения издаются большими тиражами в России и за рубежом, обсуждаются литературными критиками, журналистами, общественными деятелями, учеными-филологами. Актуален и избранный в диссертации аспект исследования. Критик Л. Данилкин отмечал появление в русской литературе последних десятилетий большого количества антиутопических произведений: романов «Кысь» Т. Толстой, «2017» О. Славниковой, «Эвакуатор» Д. Быкова и др. (Данилкин Л. Парфянская стрела. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. 302 с.). Некоторые из подобных произведений, к примеру, «Затворник и Шестипалый», «Омон Ра», «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» В. Пелевина, повесть Б. Акунина «Долина Мечты» – не изучались в рассматриваемом нами аспекте; романы В. Пелевина «S.N.U.F.F.», «Бэтман Аполло», «Любовь к трём цукербринам», роман Б. Акунина «Аристонмия» и его повесть «Планета Вода» – недавно появившиеся (анти)утопические произведения, которые также требуют изучения. С другой стороны, в последние годы заметно возрождение интереса к утопии (Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство – СПб. 2007. 416 с.; Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.; Андрианова М.Д. Эксперименты с жанром утопии в творчестве В. Пелевина // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 119 – 126).

Выбор произведений В. Пелевина и Б. Акунина для нашего исследования обусловлен характером их творчества – интересом к (анти)утопии на протяжении всего пройденного творческого пути, что даёт возможность проследить эволюцию (анти)утопических воззрений этих писателей.

Степень разработанности проблемы

Первые классические литературные утопии были созданы в XVI – XVII веках. В XX веке были написаны первые литературные антиутопии, ставшие широко известными. Исток антиутопизма некоторые исследователи видят в «Путешествиях Гулливера» (1726) Дж. Свифта, а «первая из антиутопий нового времени появилась в 1872 году» (Ерыкалова И. В стеклянном мире // Замятин Е. Мы. СПб.: «Азбука», 2015. С. 8) – роман английского писателя Сэмюэля Батлера «Едгин, или За пределом». А.К. Жолковский также называет «Путешествия Гулливера» в числе первых литературных антиутопий: «Утопия, о которой всё время говорили Платон, Томас Мор,

Фурье, Чернышевский, Маркс, Ленин, – в конце концов осуществилась. Литература ответила на это расцветом жанра антиутопии, возникшего ранее в ходе полемики с программами утопистов в таких текстах, как «Путешествия Гулливера на Лапуту и в страну гуингнмов», «Легенда о Великом инквизиторе», «Записки из подполья» и др.» (Жолковский А. Замятин, Оруэлл и Хворобьёв: о снах нового типа // Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 171 – 172). Причины широкого резонанса антиутопий XX века заключаются в характере исторической реальности этого времени. Отражение политического устройства СССР и других государств с тоталитарным режимом, проверка прогнозов, сделанных несколько десятилетий назад, подведение итогов социального развития видны в антиутопических произведениях Е. Замятина («Мы»), О. Хаксли («О дивный новый мир»), Дж. Оруэлла («1984», «Скотный двор») и других писателей.

Жанровую проблематику утопии и антиутопии в отечественном литературоведении начали разрабатывать намного позднее, чем на Западе. Познакомила русских читателей с работами зарубежных исследователей (анти)утопии В.А. Чаликова в начале 1990-х годов, подготовив сборник «Утопия и утопическое мышление», куда вошли статьи Ф. Мэньюэля и Фр. Мэньюэля, Э. Блоха, Л. Мэмфорда (природа утопического сознания), К. Мангейма, М. Ласки (утопия в истории социальных идей), Г. Морсона, Г. Гюнтера (диалектика утопических жанров в литературе) и др. Также в этот период появляются переводы работ Е. Шацкого и А. Свентоховского, труды В.А. Чаликовой и других отечественных учёных.

Изучением русской литературной утопии в её соотношении с западной занимались А. Зверев, В.П. Шестаков; Е.Л. Черткова и В.Д. Бакулов исследовали соотношение утопии и утопического сознания. Монография Н.В. Ковтун (Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 536 с.) посвящена изучению утопии на материале современной литературы. В книге Б.Ф. Егорова (Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство – СПб, 2007. 416 с.) подробно рассматривается многообразие российских утопий и антиутопий с древнейших времён до современности; исследуются как публицистические трактаты и художественные произведения, так и попытки воплощения в жизнь утопических проектов.

Множество статей посвящено антиутопии и утопии в литературе конца XX – XXI вв. Например, И.Д. Лукашенко рассматривает антиутопию «как социокультурный феномен начала XXI века» в историко-культурном, типологическом и антропологическом ракурсах (Лукашенко И.Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. 2010. №4. Том 1 (Гуманитарные науки). С. 286). С.П. Оробий (Оробий С.П. Антиутопии «нулевых» и холостые механизмы истории //

Современные проблемы науки и образования. 2014. №4) отмечает металитературный характер (анти)утопии. Б.А. Ланин (Ланин Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. 2014. №1) рассматривает особенности современных русских антиутопий, а также находит корни русской утопии в научной фантастике.

Виктор Пелевин стал осознаваться критиками и литературоведами как автор, имеющий отношение к традициям (анти)утопизма, после публикации романа «S.N.U.F.F.» (2012) с его подзаголовком «утопия».

М. Ганин в своей рецензии на роман «S.N.U.F.F.» отмечает связь текста В. Пелевина с антиутопическим произведением Дж. Оруэлла: «Мир, описанный в романе, происходит из «1984», с его Океанией, Евразией и Остазией» (Ганин М. Дискурсмонгер в печали [Электронный ресурс] // OpenSpace.ru. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/32707/> (дата обращения 06.08.2015).

Исследователи А.М. Лобин и М.Д. Андрианова относят этот пелевинский текст к жанру антиутопии: «роман В. Пелевина является типичной антиутопией, в которой представлены и философская концепция истории, и негативный образ будущего» (Лобин А.М. Роман-утопия В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 97). «Роман «S.N.U.F.F.» представляет наибольший интерес для исследования, потому что он является ярким образчиком современной антиутопии, но при этом содержит в себе и элементы утопии» (Андрианова М.Д. Эксперименты с жанром утопии в творчестве В. Пелевина // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 119 – 126).

Ю.О. Чернявская считает, что в романе В. Пелевина «иронически переосмысляются жанровые клише антиутопических романов XX в., обыгрываются их образы, сюжетные линии, мотивы» (Чернявская Ю.О. Традиции жанра антиутопии в повести В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 64), но само произведение «не может претендовать на соответствие классическому утопическому / антиутопическому канону, поскольку здесь отсутствует установка на создание идеальной / неидеальной модели мироздания» (Там же. С. 64.).

Ю.Г. Пыхтина предлагает жанровое определение романа «S.N.U.F.F.», выходящее за пределы (анти)утопического дискурса: «перед нами своеобразный метажанр, в котором парадоксально сочетаются черты утопии, рисующей идеальную модель государства, антиутопии, развенчивающей этот идеал, социально-политической сатиры, предметом обличения в которой является современная реальность, а также психологического романа, рассказывающего о личной драме героя-повествователя» (Пыхтина Ю.Г. Структура

виртуального пространства в романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.» // Verbal culture of the humanity through the prism of ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in philological sciences. London, July 18- July 23, 2013. P. 48).

Одну из частей романа В. Пелевина «Любовь к трём цукербринам» исследователь А.Л. Бобылева считает антиутопической: «наибольший интерес для нас представляет второй повествовательный блок, жанр которого можно определить как антиутопия с превалированием элементов киберпанка» (Бобылёва А.Л. Информационные технологии как тема и художественный приём в романе В. Пелевина «Любовь к трём цукербринам // Учёные записки Казанского университета. 2015. Том 157. Кн. 2. С. 165).

В более ранних текстах В. Пелевина, таких как «Затворник и Шестипалый», «Омон Ра» некоторые учёные также отмечают черты антиутопий: «Уже в ранних произведениях («Жёлтая стрела», «Омон Ра», «Затворник и Шестипалый» и др.) В. Пелевин задействовал достаточно широкий круг элементов жанра антиутопии <...> Во всех названных выше произведениях Пелевина присутствует характерная для антиутопии проблематика – человек и тоталитарная система. При этом писателя интересует прежде всего феномен утопического сознания, которое помогло этой системе восторжествовать» (Бобылёва А.Л. Антиутопический пафос и специфика хронотопа в ранней прозе В.О. Пелевина // Учёные записки Казанского университета. 2014. Том 156. Кн. 2. С. 56).

Исследователь З.Г. Кривоусова (Кривоусова З.Г. Литературные сюжеты в «Детской книге» Б. Акунина // Сюжетология и сюжетография. 2014. №2) отмечает антиутопический характер части «Завтра» в романе Б. Акунина «Детская книга», но при этом видит явные отличия от антиутопического романа Е. Замятина «Мы».

Объектом исследования является социальное измерение художественных миров произведений В. Пелевина и Б. Акунина.

Предмет исследования – элементы антиутопической и утопической традиций в произведениях данных авторов.

Материалом исследования послужили шесть текстов В. Пелевина: повесть «Затворник и Шестипалый» (1990), роман «Омон Ра» (1991), повесть «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» (2010), романы «S.N.U.F.F.» (2012), «Бэтман Аполло» (2013), «Любовь к трём цукербринам» (2014) – и семь текстов Б. Акунина: романы «Азазель» (1998), «Внеклассное чтение» (2002), «Детская книга» (2005), повесть «Долина Мечты» (2007), романы «Сокол и Ласточка» (2009), «Аристонмия» (2012), повесть «Планета Вода» (2015).

Цель диссертационной работы – определить способы, общие и конкретные особенности актуализации в современной русской литературе жанров антиутопии и утопии (на материале творчества двух знаменитых писателей).

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть теоретические работы, посвящённые жанрам утопии и антиутопии.
2. Проанализировать произведения В. Пелевина в контексте утопической и антиутопической традиций. Обнаружить и интерпретировать цитаты, реминисценции, аллюзии, связывающие тексты Пелевина с известными образцами жанра.
3. Выявить социальную проблематику произведений В. Пелевина.
4. Обнаружить утопические и антиутопические черты в текстах Б. Акунина.

Определить связи с образцами данных жанров.

5. Определить жанровую принадлежность данных произведений В. Пелевина и Б. Акунина.

6. Сформулировать инварианты антиутопических текстов данных авторов.

Решение этих задач определило **новизну** нашего исследования, которая состоит в изучении корпуса текстов В. Пелевина и Б. Акунина, тесно связанных с антиутопической и утопической традициями.

С помощью структурно-семиотического метода и интертекстуального анализа определены характерные черты антиутопических и утопических произведений в текстах данных авторов.

Выявлены и проинтерпретированы связи произведений В. Пелевина и Б. Акунина с образцами антиутопического и утопического жанров.

Определена жанровая принадлежность текстов данных авторов.

Личное участие М.А. Камратовой в получении результатов, изложенных в диссертации, состоит в следующем:

1. Отобран материал, необходимый для установления жанровых особенностей произведений В. Пелевина и Б. Акунина.
2. Проанализированы тексты данных авторов с точки зрения их принадлежности к антиутопической и утопической традициям.
3. Определена жанровая принадлежность отобранных текстов и модификации жанров антиутопии и утопии в произведениях данных авторов.
4. Построены инварианты антиутопических текстов В. Пелевина и Б. Акунина.

Теоретическая значимость диссертации заключается в уточнении сведений о жанровых чертах антиутопии и утопии в современной русской литературе, об их жанровых модификациях. Результаты исследования помогают соотнести рассмотренные

тексты В. Пелевина и Б. Акунина с (анти)утопической традицией, что позволяет оценить новации двух писателей. Данная работа может служить основой для дальнейшего изучения творчества этих авторов в контексте указанных жанров.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать результаты в общих и специальных курсах по современной русской литературе; материалы исследования могут быть применены в спецкурсах и семинарских занятиях, посвящённых творчеству В. Пелевина и Б. Акунина, в научных исследованиях литературы конца XX – XXI вв.

Методологической основой диссертации стали теоретические работы, посвящённые утопической и антиутопической традициям в литературе, таких исследователей, как Ф. Аинса, В.Д. Бакулов, К.Д. Гордович, Г. Гюнтер, Б.Ф. Егоров, Б.А. Ланин, А.Ф. Любимова, Л. Мэмфорд, В.А. Чаликова, М.И. Шадурский, В.П. Шестаков; работы по теории и практике интертекстуальности А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова.

При анализе конкретных произведений мы использовали интертекстуальный анализ и структурно-семиотический метод, разработанный Ю.М. Лотманом. Утверждая наличие интертекстуальных связей, мы предполагаем, вслед за исследователем Ю.К. Щегловым, если не сознательную цитацию претекстов, то, по меньшей мере, текстуальное знакомство авторов с источниками цитирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В. Пелевина и Б. Акунина постоянно интересуют социальные проблемы, которые традиционно связаны с литературными жанрами антиутопии и утопии, что проявляется в целом ряде произведений двух писателей.

2. В. Пелевин тяготеет к изображению антиутопических миров, опираясь на классические антиутопические произведения и обогащая данный жанр новыми вариациями. Утопии в его текстах остаются на периферии.

3. Создавая свои антиутопические миры, В. Пелевин чаще всего использует мотивы, сюжеты и образы антиутопий Дж. Оруэлла («1984»), Е. Замятина («Мы»), В. Набокова («Приглашение на казнь»).

4. В ранних произведениях В. Пелевина антиутопизм был связан преимущественно с критическим отношением к прошлому, в поздних – с критикой настоящего.

5. Утопические мотивы в произведениях Б. Акунина разработаны более детально, чем в текстах В. Пелевина. Антиутопии Б. Акунина, по сравнению с произведениями В. Пелевина, носят более мягкий характер, автор отмечает в антиутопических локусах не только отрицательные черты.

6. Утопии Б. Акунина отсылают к классическим утопическим произведениям (Т. Мора, Н.Г Чернышевского). Некоторые акунинские антиутопии дискредитируют утопические теории («Внеклассное чтение», глава «Бригадир»). При обращении автора к антиутопической литературной традиции актуализируются преимущественно романы «Мы» Е. Замятина и «1984» Дж. Оруэлла.

7. Внимание Б. Акунина неоднократно привлекал процесс перерождения утопии в антиутопию. Одна из основных проблем всего творчества писателя начиная с его первого романа – соотношение благих социальных целей и средств их достижения. Носители утопических идей в произведениях Б. Акунина – нередко люди талантливые, харизматичные, умные, способные на благородные и самоотверженные поступки, однако идеализировать этих героев автор не стремится.

8. В поздних текстах Б. Акунина и В. Пелевина чаще, чем в ранних, возникают фрагменты, тяготеющие к утопии, что обусловлено отношением писателей к современному, далекому от идеала социуму.

Апробация работы

Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, 2015), научных конференциях городского и регионального уровня:

Научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов («Труды молодых учёных АлтГУ», Барнаул, 2010, 2011, 2012, 2013).

Городская научно-практическая конференции молодых учёных «Молодёжь – Барнаулу» (Барнаул, 2010, 2011, 2012).

Научно-практическая конференция студентов, аспирантов, молодых учёных «Междисциплинарность психологии: правовой, экономический и филологический контексты» (Барнаул, 2012).

Первая региональная молодёжная конференция «Мой выбор – НАУКА!» (XLI научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов, Барнаул, 2014).

Структура работы: работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование темы диссертации, обозначаются предмет и объект исследования, формулируются его цели и задачи, методологическая база, новизна, теоретическая и практическая значимость, а также положения, выносимые на защиту.

В Главе I «Жанровое своеобразие утопии и антиутопии. Обзор теоретических работ» рассматриваются основные признаки утопии и антиутопии, происхождение антиутопии и взаимодействие этих жанров.

Раздел I.1. «Утопия как форма общественного сознания. Первые литературные утопии. Жанровые признаки утопии» посвящён изучению характерных черт данного жанра, проблеме взаимодействия утопии со смежными жанрами.

Некоторые литературные жанры (например, научная фантастика) имеют общие черты с утопией. В данном разделе на основе исследований специалистов по утопии и рассмотрения классических утопических текстов выявлены признаки утопии, позволяющие выделить её в отдельный жанр. Главным жанровым признаком утопии, на который мы будем ориентироваться при отнесении произведения к этому жанру (в соответствии со взглядами Е. Шацкого) – содержание: отталкиваясь от несовершенного настоящего, она стремится показать картины желаемого устройства социальной жизни (в будущем, прошлом или альтернативном настоящем).

Раздел I.2. «Основные черты утопического мира». Утопические произведения имеют особые черты, отличающие их художественные миры от текстов других жанров. Ф. Аинса выделяет характерные черты классической утопии: пространственная изолированность, вневременность, автаркия, урбанизм, регламентация (Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе; Рос. АН, Институт мировой литературы им. Горького РАН. М.: Наследие: EDITIONS UNESCO, 1999. С. 23 – 26). Э. Баталов определяет основные черты утопического государства, среди которых основополагающими оказываются свобода, равноправие и отсутствие чувства страха перед чем-то или кем-то (Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. С. 164 – 165).

Главным признаком утопии следует назвать стремление к избранному идеалу и веру в возможность его осуществления. Но чаще всего утопические идеи выглядят совершенными только в теории. Воплощенная утопия не совместима с реальной жизнью, так как отрицает многие естественные законы: идеи постоянного роста и развития, конкуренции, категорию времени. Совершенство, которое она предлагает, на практике оборачивается различными ограничениями личности, и рукотворный рай может превратиться в свою противоположность.

Раздел I.3. «Истоки антиутопии». Важный вопрос, связанный с антиутопическими произведениями, заключается в определении степени их автономности от утопических текстов, а также от предшествующих антиутопий.

В диссертации поддерживается мнение Г. Морсона о том, что антиутопия как «антижанровое произведение» имеет свои классические тексты и часто создается в традиции предшествующих образцов антижанра. Произведения антижанра, как полагает Г. Морсон, должны иметь два типа образцов: «позитивные модели» своей традиции и «негативные модели» высмеиваемого жанра» (Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 233).

Антиутопия создаётся с целью разоблачения утопии, она не предлагает свой собственный миф, а использует утопические средства и образы для демонстрации несостоятельности дискредитируемого образца. В данном случае под утопией подразумевается не какой-либо утопический текст, а сама идея, претендующая на идеал жизненного устройства.

Раздел I.4. «Характерные признаки антиутопии». Относя произведение к данному жанру, можно столкнуться с проблемой критериев, позволяющих назвать текст антиутопией. Проанализировав научные работы Б.А. Ланина, М.И. Шадурского, Л. Мэмфорда и др. исследователей, мы выделили значимые признаки антиутопических произведений: они изображают нежелательный мир, который может стать реальностью в будущем, если не предпринять категорических мер, которые изменят мир в настоящем. Они указывают на опасности, которые таят в себе авторитарные идеологии, развитие и господство общества потребления, неразумное использование техники для целей, противоречащих здравому смыслу и этике, преобладание внешних атрибутов человека в ущерб его внутреннему содержанию. Многие характерные признаки антиутопии берут своё начало в утопии, другие признаки основываются на отрицании утопических черт.

Раздел I.5. «Взаимодействие утопии и антиутопии. Граница понятий». Многие учёные (Б. Ланин, А. Зверев, Э. Баталов, К. Гордович, Г. Морсон, Е. Шацкий и др.) признают тесную связь утопии и антиутопии, и, несмотря на кажущуюся полярность этих жанров, могут возникнуть трудности при определении жанровой принадлежности конкретного текста. Следует отметить, что граница между утопией и антиутопией бывает довольно зыбкой. Для отнесения текста к тому или иному жанру желательно не только проанализировать само произведение, но и знать намерения автора: хотел ли он создать идеал или подвергнуть критике уже существующую идею создания идеального мира.

В диссертации используется определение утопии Б. Ланина: «Утопия – литературный жанр, в основе которого изображение несуществующего идеального общества» (Ланин Б. Утопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; ИНИОН РАН. М.: Интелвак, 2003. Стб. 1117 – 1118). Отметим значимые для нашей работы признаки утопии. Как многие исследователи

(А. Свентоховский, В.А. Чаликова, М.И. Шадурский, В.П. Шестаков и др.), в утопии мы будем искать стремление к идеалу и веру в него. Другие признаки жанра, такие как социальная обусловленность (Е. Шацкий, Л. Воробьёв), территориальная ограниченность (В.А. Чаликова, М.И. Шадурский, Г. Гюнтер, Ф. Аинса), взаимодействие между реальностью и утопией (Ф. Аинса), разрыв с историческим временем (Э.Я. Баталов, Е.Л. Черткова, Ф. Аинса), а также автаркия, урбанизм и регламентация, предложенные Ф. Аинсой, будут служить дополнительными характеристиками при рассмотрении утопических произведений.

Антиутопия будет пониматься как литературный жанр, который призван изображать нежеланное общественное устройство, при этом опровергая какие-либо социальные, религиозные или научные идеалы. При отнесении текстов к жанру антиутопии мы будем также учитывать отсылки к более ранним произведениям данного жанра (в соответствии со взглядами Г. Морсона).

А.К. Жолковский в главе «Замятин, Оруэлл и Хворобьёв: о снах нового типа» своей книги «Блуждающие сны и другие работы» (М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994) предлагает инвариант данного жанра, который мы будем использовать при формулировании инвариантов антиутопий В. Пелевина и Б. Акунина:

1. Главный герой – «здравомыслящий мужчина» (Там же, с. 172). «Государство видит в нем Ребенка, за которым всячески присматривает. Но детскость Героя имеет и другую сторону – непослушание, спонтанность, близость к природе, невключенность в социальную организацию» (Там же. С. 172).

2. Фигура Инквизитора: «Как носитель утопической Идеи, он проповедует все ее плоские, наивно-благодетельные аксиомы. А как представитель Разума, имеющий богатый опыт практического управления, он располагает полным, без иллюзий, знанием всей картины» (Там же. С. 173).

3. “Старый дом”, противоположный нынешнему жилью героя: «Сам Герой обычно живет в некоем полуобщественном помещении, просматриваемом насквозь с помощью техники, полиции и осведомителей. Но по ходу сюжета (например, с целью свидания с Героиней) он оказывается в Старом Доме, сохранившемся с прошлых времен и как-то связанном с внешним миром» (Там же. С. 173).

4. «Национализация Снов представляет собой один из главных кошмаров антиутопии» (Там же. С. 174).

5. Влюбленность героя, которая мыслится как восстание против антиутопического мира.

6. Ведение записок или чтение как средство самопознания.

7. Финальное поражение героя.

А.К. Жолковский отмечает и другие признаки антиутопических текстов, такие как преобладание разума над чувствами, полный государственный контроль над гражданами, вмешательство в частную жизнь человека: «"Разумная" организация общества диктует обязательное единомыслие его членов, то есть упразднение privacy и вообще уклонений от централизованного контроля. В частности – полное подавление всего непредсказуемого, уходящего корнями за психологические, временные или пространственные границы государства» (Там же. С. 172).

При разграничении утопии и антиутопии в реферируемом исследовании учитывается как полемическая установка антиутопии (согласно Е. Шацкому, Э.Я. Баталову, Б.А. Ланину, Г. Морсону), так и стремление этого жанра подвергнуть критике саму идею утопизма: какие-либо идеалы, возведённые в абсолют (Е. Шацкий, А. Зверев). Основными признаками антиутопии полагаем изображение вымышленного (но связанного с реальностью) общества, в котором возобладали негативные тенденции (отказ от высокой культуры, оторванность от естественного, природного мира, утрата исторической памяти, всеподнадзорность, жёсткая регламентация, основанная на государственном насилии и т.п.), желание автора текста развенчать миф, положенный в основу изображаемого общества или мира, а также ориентацию на известные образцы антиутопического жанра. Учитывая идею Г. Морсона о двух типах образцов для антиутопии: позитивных (другие антиутопии) и негативных (утопии), – мы не будем рассматривать необходимым условием антиутопии пародию на утопический текст.

В Главе II «Произведения В. Пелевина в контексте (анти)утопической традиции» обнаруживаются и интерпретируются цитаты, реминисценции, аллюзии, связывающие тексты Пелевина с известными образцами двух жанров.

Раздел II.1. «Произведения В. Пелевина и антиутопия».

В повести В. Пелевина «Затворник и Шестипалый» отвергаются все типы тоталитарного мышления, основанные на подавлении индивидуальной воли в человеке. Отвергается возможность устройства идеального государства в жёстко ограниченных территориальных рамках, препятствующих проникновению идей, способных подорвать государственный порядок. В повести В. Пелевина жизнь в ограниченном пространстве, где невозможны контакты с внешним миром, обязательно способствует развитию ограниченности в мышлении.

Христианство в повести показано одной из возможных форм тоталитарной власти, которая ущемляет свободу личности – и поэтому религиозный утопизм отвергается так же, как утопизм социалистический. Пелевину ближе восточная философия с её

созерцательным принципом познания мира и стремлением к обретению гармонии внутри самой личности, а не внутри какого-либо государственного режима. Поэтому Пелевин сделал одним из главных персонажей повести героя, похожего на восточного мудреца, который вырывается из границ изображённого «социума». Вместе с физическим умением летать герои повести обретают “полёт” мысли, им открывается истина жизни.

В романе «Омон Ра» прообразом антиутопического государства выступает, так же, как в повести «Затворник и Шестипалый», Советский Союз. В начале романа Омон ведёт себя как рядовой представитель антиутопии: восхищается механизмами и мечтает полететь в космос. Затем герой осознает искусственность космоса, но не может освободиться от антиутопического мира Советского Союза, по модели которого был создан писателем будто бы не существующий в реальности советский космос. Вслед за В. Набоковым, Пелевин изображает антиутопическое государство как технически отсталое. Но, в отличие от романа В. Набокова «Приглашение на казнь», недостаточная техническая оснащённость тщательно скрывается от остального мира.

Главный герой повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» имеет много общего с центральным персонажем классической антиутопии, который противостоит всему миру, подвергается психологическому и физическому воздействию со стороны врагов и, в конечном счёте, становится одним из них.

Антиутопический мир «орков» в романе «S.N.U.F.F.» представлен как иррациональный, нелогичный и отсталый в техническом отношении. Подобным образом описывается антиутопическое государство в романе Дж. Оруэлла «1984». В романе В. Набокова «Приглашение на казнь», который также является источником заимствований для романа В. Пелевина, государство с тоталитарным строем выглядит как театр абсурда.

Социальный мир в романе Пелевина «Бэтман Аполло» имеет много общих черт с антиутопией Е. Замятина «Мы»: уподобление человека механизму, тема космоса, ощущение главным героем собственной богоподобности и т.п. Но если для Е. Замятина моделью государственного устройства была главным образом советская Россия, то в романе «Бэтман Аполло» в качестве господствующего над всем остальным миром тоталитарного государства выступают США.

Значимым претекстом пелевинского романа «Любовь к трём цукербринам» является антиутопия В. Набокова «Приглашение на казнь»: мир оказывается грандиозной декорацией, отличие только в том, что сам герой видит необходимость сокрытия ничем не примечательной реальности под «обоями фейстопа». Альтернативной реальностью в тексте В. Пелевина выступает рассказ о более совершенном мире, существовавшем в далёком прошлом, но сохранившемся в качестве смутных воспоминаний современного

человека. Также автор вводит в текст утопический рассказ об Эдеме, затерянном на необъятных просторах Вселенной.

Вселенная, изображённая в романе «Любовь к трём цукербринам», оказывается многомерной и бесконечной, сотканной из миллионов параллельных миров. Главный герой не теряет надежду попасть в лучший из возможных.

Раздел II.2. «Произведения В. Пелевина и утопия». *Подраздел II.2.1. Повесть «Затворник и Шестипалый» в контексте утопической традиции.* Одна из важных оппозиций в утопических произведениях – противопоставление света и тьмы (дня и ночи, солнца и луны). Действие повести В. Пелевина разворачивается в таком же изолированном пространстве, каким является Город Солнца Т. Кампанеллы – на Бройлерном комбинате имени Луначарского. Уже в наименовании места действия заметно полемическое отношение к утопической традиции. При этом в повести В. Пелевина не менее важен образ солнца, но связан он с возвращением героев в естественный мир. Научившись летать, Затворник и Шестипалый вырвались из антиутопического мира, увидели настоящее солнце, осознали искусственность и ограниченность покинутого ими комбината. Утопический мир традиционно представляется миром света и солнца. Затворник и Шестипалый на протяжении повести проделывают путь из “мира затмений” наверх – в “мир солнца”.

Подраздел II.2.2. Утопия в романе «S.N.U.F.F.». Подзаголовок «утопія» подсказывает жанровое определение, в свете которого следует рассматривать этот роман. Но первые же страницы произведения отсылают нас к различным антиутопиям.

Отождествление верховного божества с солнцем, звёздами и другими источниками света снова напоминает об утопии Т. Кампанеллы. Но богу-Солнцу в романе В. Пелевина, в отличие от утопического Солнца Т. Кампанеллы, необходимы регулярные кровавые жертвы.

Герои романа «S.N.U.F.F.» Кая и Грым убегают из антиутопического мира. Они оказываются в месте, не похожем ни на “иллюзорный” мир людей, ни на “первобытный” мир орков, оно больше напоминает идеальное изолированное общинное поселение. Таким образом, характерное противопоставление антиутопический мир – природный мир в романе В. Пелевина заменяется скорее на оппозицию антиутопия – утопия.

Подраздел II.2.3. Утопические мотивы в романе «Любовь к трём цукербринам». В тексте романа приводится рассказ о более счастливых мирах, существующих в бесконечной Вселенной. Один из таких совершенных миров был низвергнут на Землю, и его обитатели нашли возможность сохранить свою жизнь в телах животных. Человечество стремится вернуться в «золотой век» далёкого прошлого, но не может его достичь.

На страницах романа изображается и другая утопия – пространство под названием Эдем, расположенное в неизвестном уголке Вселенной. Создатель этого рая – Надежда (ангел Spero) – населяет свой фантазмагорический мир теньями из прошлого (когда-то Надежда была человеком и жила на Земле). Человеческие души попадают в Эдем в образах различных фантастических животных.

Бог, которого видят животные, оказывается гипнотическим привидением, созданным Надеждой, рай – её собственным мирком, а не библейским Эдемом. Но причины, по которым ангел Spero вводит в заблуждение обитателей рая, оправдывают её ложь: «И всё, что она может придумать для канувших в колодец бесконечности теней, которым так не хватало любви при жизни – это позволить им вернуться и немного побыть продолжением того смешного, безумного и бесконечно трогательного, чем они когда-то были» (Пелевин В. Любовь к трём цукербринам. М.: Эксмо, 2014. С. 439).

Раздел II.3. «Социальная проблематика произведений В. Пелевина». *Подраздел II.3.1. Социальные модели в повести «Затворник и Шестипалый».* В повести В. Пелевина жизнь человеческого общества проецируется на жизнь птиц. И “коллективу” птиц дано название, соответствующее человеческому коллективу – социум. Затворник и Шестипалый являются выразителями двух разных типов мировоззрений: Затворник – восточный или христианский мудрец-отшельник, а Шестипалый поначалу – продукт “советского” мировоззрения.

Освободившись от условностей как атеистического, тоталитарного мира, так и “христианского”, Затворник и Шестипалый вернулись в мир природный, естественный.

Подраздел II.3.2. Социальное устройство СССР в романе «Омон Ра». Омон Кривомазов, как миллионы советских детей, мечтает стать лётчиком или космонавтом. Окружающий мальчика мир насыщен тематикой лётного дела и космических путешествий: сам Омон живёт недалеко от кинотеатра «Космос», любит смотреть фильмы про лётчиков, в повести упоминается только одна марка сигарет – «Полёт». Омон считает, что как личность начался с деревянного самолёта на детской площадке у своего дома.

Герой Пелевина стремится вырваться из несвободной жизни Советского Союза, создаёт свои собственные идеалы, но оказывается, что они мало отличаются от идеалов советских.

Это произведение В. Пелевина можно отнести к жанру (анти)ухронии. Реальное прошлое Советского Союза в романе «Омон Ра» подменяется вымышленным. Признаки советской идеологии, культуры и быта в романе, переплетаясь с вымыслом, создают характерное антиутопическое пространство-время.

Подраздел II.3.3. Социальная проблематика в повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби». Повесть посвящена истории забытого сотрудника российской внешней разведки. Считая виновниками всех своих финансовых бед и неустроенной жизни американцев, Савелий Скотенов безжалостно уничтожает американские беспилотные летательные аппараты, патрулирующие Афганистан. Скотенков тяжело переживает распад Советского Союза, хотя видел его только в раннем детстве. Американские военные психологи определяют это состояние Скотенкова как психическое расстройство.

Заканчивается повесть о Савелии Скотенкове эпизодом, похожим на финалы классических антиутопических романов, в которых герой подвергается физическому и психологическому воздействию, после чего становится похожим на своих бывших врагов или умирает. Сначала на Скотенкова пытаются воздействовать психологически: над пустыней в Афганистане разбрасывают листовки, содержание которых должно постоянно напоминать о распаде СССР и о ненавистном Скотенкову образе современной России. Затем в тюрьме ЦРУ Савелия Скотенкова подвергают физическому воздействию, после которого его ждут новые мучения.

Подраздел II.3.4. Реалии современной России в романе «S.N.U.F.F.». В этом произведении тесно переплетены реалии современной жизни, советского периода и детали художественного мира различных антиутопических произведений. Несмотря на множество источников, в качестве основы изображаемого в романе «S.N.U.F.F.» мира берётся современная Россия, и катастрофический финал иллюстрирует авторское отношение к ней.

Выявленные антиутопические и утопические черты названных текстов В. Пелевина позволяют сказать, что автор продолжает традиции этих жанров, активно вступая в диалог с предшественниками. Антиутопические произведения писателя содержат множество отсылок к классическим антиутопиям Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, В. Набокова, а также аллюзии на более поздние произведения, тяготеющие к антиутопии, таких авторов, как К. Кизи и В. Аксёнов. В. Пелевин анализирует общества недалекого прошлого и реагирует на события в современном мире. Утопические мотивы в произведениях Пелевина представлены в меньшем объёме и не имеют связи с событиями реального прошлого или настоящего.

В Главе III «Произведения Б. Акунина в контексте (анти)утопической традиции» выявляются утопические и антиутопические черты в текстах Б. Акунина и обнаруживаются связи с образцами данных жанров.

Раздел III.1. «Произведения Б. Акунина и антиутопия». *Подраздел III.1.1. Антиутопизм в романе «Внеклассное чтение» (глава «Бригадир»).* Заметной чертой

романа «Внеклассное чтение» является полемика с утопическими идеями. Такие исследователи, как Г. Морсон, Е. Шацкий, Э.Я. Баталов, Б.А. Ланин, считают это важным признаком, позволяющим отнести произведение к жанру антиутопии. «Негативными моделями» (Г. Морсон) высмеиваемого жанра в данном случае выступают классические утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы, «позитивной моделью» оказывается антиутопия В. Набокова «Приглашение на казнь».

Подраздел III.1.2. Модель “идеального” мира в «Детской книге» (часть «Завтра»). «Детская книга» (часть «Завтра») рисует картины постапокалиптического мира. Многие черты этого пространства отсылают к антиутопии Е. Замятина «Мы»: культ разума, стремление к стерильности и искусственности, отсутствие живых эмоций и непоколебимая уверенность в совершенстве своего мира. Среди населяющих “рай” существ есть западно-восточный андрогин: этот термин Г. Чхартишвили заимствует у Платона для характеристики современного мира, в котором стираются различия между Востоком и Западом, мужчиной и женщиной, разными социальными слоями и возникает новое общество, основным признаком которого становится энтропия (Чхартишвили Г.Ш. Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе) // Иностранная литература, 1996. №9).

Подраздел III.1.3. Антиутопические черты в повести Б. Акунина «Долина Мечты». Отношения героев повести «Долина Мечты» – Эшлин и Фандорина – напоминают роман Д-503 и I-330 из антиутопии Е. Замятина «Мы». Эшлин завязывает отношения с Фандориным, преследуя, как и I-330, корыстную цель. Роман Е. Замятина заканчивается победой «разума» – торжеством антиутопии. Д-503 предаёт I-330 и обрекает её на гибель. В финале повести Б. Акунина Эраст Фандорин не соглашается на предложение предпринимателя Мориса Стара, перестаёт прислушиваться к доводам рассудка и следует зову сердца, то есть противостоит соблазнам как утопии, так и антиутопии.

Подраздел III.1.4. «Планета Вода. Технократический детектив» в контексте антиутопической традиции. Существенным источником антиутопических образов в повести «Планета Вода» является советская литература, советская метафорика. В качестве основы взглядов создателя ордена «Амфибия» Б. Акунин берёт социалистические идеи, что подтверждается отсылками к произведениям Ж. Верна и Н.Г. Чернышевского. Антиутопическими претекстами повести выступают романы Е. Замятина («Мы») и Дж. Оруэлла («1984»). Классические тексты А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского Б. Акунин использует для разоблачения утопических идей.

В первом романе Б. Акунина «Азазель» изображена всеохватывающая организация с одноимённым названием, цель которой – преобразовать мир. Сама структура организации и благотворительная деятельность ее руководителя леди Эстер не являются признаками антиутопического произведения и не подвергаются критике. Сомнения вызывают методы, которые используются для достижения благих целей: леди Эстер не останавливается ни перед бесчеловечными медицинскими опытами, ни перед убийствами.

В романе «Азазель» и повести «Планета Вода» автор показывает, как утопическая идея на практике может превратиться в свою противоположность.

Раздел III.2. Произведения Б. Акунина и утопия. *Подраздел III.2.1. Утопические проекты в повести «Долина Мечты».* В тексте повести «Долина Мечты» представлены различные варианты утопических теорий, которые постепенно разоблачаются автором (за исключением необыкновенного капиталистическо-социалистического производства Мориса Стара, даже внешне похожего на Н.Г. Чернышевского). Как в классических утопических произведениях, “идеальные” социальные проекты мы видим глазами стороннего наблюдателя: Фандорин посещает дом Мориса Стара, общину «Луч света» и мормонов, замечая как достоинства, так и недостатки их проектов. Необычно то, что сам сторонний наблюдатель Фандорин тоже оказывается носителем утопической идеи, и роль разоблачителя в этом случае выполняет автор.

Подраздел III.2.2. Утопический финал романа «Сокол и Ласточка». В романе «Сокол и Ласточка» утопичен финал. Б. Акунин выбирает классический вариант островной утопии, чтобы изобразить совершенный мир. Присутствуют основные характеристики утопического острова: отсутствие связей с остальным миром и, возможно, отсутствие категории времени (намёк на бессмертие в тексте романа). Остров Инаксесибль — идеальное место, куда не проникли пороки меркантильного мира. Возможное бессмертие делает эту утопическую мечту ещё более привлекательной и, в то же время, оторванной от реальности.

Подраздел III.2.3. Утопические теории в романе «Аристономия». Из представленных в тексте романа «Аристономия» утопических теорий не подвергается критике лишь Аристополис. Отрицается возможность создания идеальной государственной структуры революционным путём во главе с пролетариатом: большевистский «новый мир» отвергается из-за жестокости методов его строителей. Швейцарский «парадиз», хотя и обладает всем необходимым для счастливой жизни, остаётся чужим для русского интеллигента. Проект «Республика Крым» больше похож на несбыточную мечту о создании общества на основе одной социальной группы («интеллигентной республики»). Только главная утопическая теория, детально

изложенная повествователем и вынесенная в заглавие книги, представляется как возможная для воплощения, но создание Аристополиса отнесено в неопределённое «завтра». Попыткой создать нечто вроде виртуальной версии «Аристополиса» стало «Благородное собрание» в блоге Б. Акунина «Любовь к истории», в котором, к примеру, правом комментировать обладает тот, «кто придерживается общеизвестных правил учтивого обхождения» (Акунин Б. Блог Бориса Акунина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://borisakunin.livejournal.com/885.html#cutid> (дата обращения: 30.08.2015).

Б. Акунин, как и В. Пелевин, учитывает интеллектуальный опыт создателей утопий и антиутопий. В тех фрагментах, которые тяготеют к жанру антиутопии, Б. Акунин прибегает к многочисленным аллюзиям на известные антиутопические тексты, в первую очередь, Е. Замятина и Дж. Оруэлла («1984»). Отличительной чертой антиутопических фрагментов произведений писателя является неоднозначность: кроме очевидно отрицательных сторон в изображаемых антиутопических локусах можно найти и несомненные достоинства.

Утопии Б. Акунина содержат черты классических утопических произведений Т. Мора и Н.Г. Чернышевского. Утопические проекты, представленные в рассматриваемых произведениях Б. Акунина, более разнообразны, чем пелевинские. Некоторые из них автор считает осуществимыми в будущем (например, Аристополис, детально описанный в «Аристонии»), иным даже даёт право на существование в современном мире: в повести «Долина Мечты» предприниматель Морис Стар сумел воплотить утопические мечты Н.Г. Чернышевского, адаптировав их к реалиям американской жизни конца XIX века. Утопические мечты другого рода также оказываются реализованными в романе «Сокол и Ласточка».

В Заключении подводятся итоги исследования.

Если сравнивать (анти)утопическую направленность произведений В. Пелевина и Б. Акунина, можно заметить тяготение первого автора к изображению абсолютно негативных антиутопических миров (эту тенденцию Пелевин нарушил только в романе 2015 года «Смотритель»). Утопии в его текстах появлялись обычно эпизодически и почти не были связаны с основным действием. Таков локализованный во времени и пространстве райский сад и миф об отнесённом в далёкое прошлое более совершенном мире в романе «Любовь к трём цукербринам». Утопическое пространство в романе «S.N.U.F.F.» возникает лишь в финале в виде изолированного поселения, о котором читатель узнаёт не много. Вероятно, одна из причин склонности В. Пелевина к антиутопизму – приверженность к философии буддизма с его отрицанием мира в целом.

Б. Акунин свой путь сочинителя начал с изображения идеального героя – Эраста Фандорина – и с самого начала рассматривал проблему создания лучшего общества. Но его создатели и идеальный герой пришли в конфликт («Азазель»). Однако мечта об идеальном обществе Акунина не оставила (почти идиллическое Заволжье в «Провинциальном детективе», Аристополис). Различные утопические теории репрезентируются в повести «Долина Мечты», романах «Сокол и Ласточка», «Аристономия». «Долина Мечты» и «Аристономия» содержат по несколько вариантов представлений об “идеальной” жизни. Причем в двух этих произведениях встречаются лишь отдельные черты антиутопии, которые не создают какого-либо особого пространства, а лишь оттеняют представленные в тексте утопические проекты и помогают описать многогранные характеры героев.

В романах «Сокол и Ласточка», «Аристономия» утопическим пространством становятся острова: остров Инаксесибль и Крым. Правомерность наименования Крыма островом доказывается оговоркой создателя проекта «Республика Крым», Бердышева, и очевидной аллюзией на роман В. Аксёнова «Остров Крым». Эти две “островные” утопии выделяются из числа остальных. Они не дискредитируются в текстах произведений, одна из них (в романе «Сокол и Ласточка») оказывается реализованной. Выбор топоса “остров” для демонстрации идеальной жизни можно объяснить не только утопической традицией, но и известной симпатией Б. Акунина к островным государствам – Японии и Англии.

Опираясь на «архисюжет» антиутопии, предложенный А. Жолковским, можно выявить повторяющиеся элементы структуры антиутопических текстов В. Пелевина и Б. Акунина. Сюжетный инвариант В. Пелевина выглядит следующим образом:

Главный герой находится в конфликте с окружающей реальностью. Шестипалого изгоняют из цыплячьего социума за нестандартное тело; Омон раскрывает тайну советских “космических полётов” и подвергается преследованию; Савелий Скотенков («Зенитные кодексы Аль-Эфесби») сбивает американские беспилотники, вследствие чего становится мишенью американских спецслужб; «орк» Грым («S.N.U.F.F.»), волею случая оказавшийся в искусственном мире, осознаёт свою близость природе; Рама («Бэтман Аполло») не вполне принимает социальную структуру общества вампиров и мира в целом; Кеша («Любовь к трём цукербринам») вынужден скрывать свои преступные мысли от всевидящего ока цукербринов.

Герою противостоит Инквизитор. В романе «Омон Ра» эта роль распределяется между несколькими высокопоставленными военными; фигуры Инквизиторов в чистом виде появляются в недавних книгах В. Пелевина: тайный правитель мира Бэтман Аполло в одноимённом романе и три цукербрина («Любовь к трём цукербринам»).

Образ “Старого Дома”, который связан с иной реальностью, присутствует только в романе «Бэтман Аполло». В романе Е. Замятина «Мы» этот дом знакомит Д-503 с запретными и забытыми реалиями прошлого, также это место любовных свиданий героя с I-330. В антиутопии Дж. Оруэлла «1984» полиция использует это место для выявления инакомыслящих. В «Бэтмане Аполло» – так же, как в романах «Bend Sinister» и «1984», – есть ловушка для диссидентов, однако находится она уже не в реальном пространстве, а в «лимбо» <...>, где Рама встречается с Софи. То, что Набоков и Оруэлл сделали с замятинским Древним Домом, Пелевин делает с замятинской героиней I-330» (Камратова М.А., Десятов В.В. Роман В. Пелевина «Бэтман Аполло» на фоне антиутопии Е. Замятина «Мы» // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета: материалы Первой региональной молодёжной конференции «Мой выбор – НАУКА!», ХLI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 11. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 275).

Сны (и подсознание), которые связывают героя с природным, естественным миром. Сон Грыма («S.N.U.F.F.») помогает ему осознать свою чуждость антиутопическому миру. В романе «Любовь к трём цукербринам» сны – частица реальной, не виртуальной действительности. Но даже сны и подсознание героя могут стать доступными представителям власти. В романе «Омон Ра» с помощью реинкарнационного обследования проникают в подсознание курсантов училища, чтобы выявить неподходящих для «подвига» кандидатов. Американские военные пытаются проникнуть в подсознание Скотенкова с помощью психологических атак («Зенитные кодексы Аль-Эфесби»). Герой романа «Любовь к трём цукербринам» Кеша, как отмечалось выше, знает, что его мысли могут просматривать цукербрины.

Любовь как вызов антиутопическому миру. В романе «S.N.U.F.F.» возлюбленная Грыма, Кая, уводит его из антиутопического пространства в природный мир. Софи («Бэтман Аполло») противостоит правителю мира, не подозревая, что является его ипостасью. По тому же принципу Little Sister («Любовь к трём цукербринам»), в которую влюблён Кеша – лишь иллюзия, проводник «божественного» света цукербринов. Таким образом, прослеживается тенденция экспансии и тотализации антиутопического мира: то, что ему противостояло в книге Замятина (Древний Дом, возлюбленная, сны, подсознание), в произведениях Оруэлла и Пелевина становится его частью.

Омон не ведёт записей, но роман представляет собой повествование от первого лица – именно от лица Омона. Савелий Скотенков («Зенитные кодексы Аль-Эфесби») в финале повести решает написать книгу, чтобы осмыслить свою жизнь. «S.N.U.F.F.» же становится нарративной новацией Пелевина: дневник ведёт не тот герой, который покинет

антиутопический мир, а полноправный представитель этого мира – отрицательный герой Дамиллола. Он пытается восстановить эмоциональное равновесие и на пороге смерти чувствует потребность привести записи в порядок.

Последним элементом сюжета классической антиутопии должно быть финальное поражение героя. Рассмотренные нами произведения Пелевина допускают три варианта финала.

Вариант первый, классический. Савелий Скотенков («Зенитные кодексы Аль-Эфесби») становится похожим на своих бывших врагов; Рама («Бэтман Аполло») смиряется с царящими в мире законами; Кеша (Любовь к трём цукербринам) погибает от взрыва.

Второй вариант: финальное освобождение героя от антиутопического мира. Затворник и Шестипалый покидают комбинат и спасаются от неминуемой гибели; Грым и Кая («S.N.U.F.F.») убегают из разрушающегося антиутопического мира.

Третий, промежуточный вариант – открытый финал романа «Омон Ра».

В обоих основных вариантах финала главные герои текстов В. Пелевина остаются в живых. Хотя антиутопическое пространство не разрушается (за исключением романа «S.N.U.F.F.»), трагизм общей ситуации смягчается. Над наказанием Скотенкова автор иронизирует; у Омона есть возможность вырваться на свободу. Жизнь в Советском Союзе Омон уподобляет поездке в вагоне метро, и в финале романа возникает образ стоп-крана. Рама смиряется с правилами и переходит в разряд посвящённых в тайны бытия. Душа Кеши может возродиться в другом времени и пространстве. В. Пелевин продолжает традиции В. Набокова, в антиутопии которого («Приглашение на казнь») Цинциннан, возможно, умирает, но его казнь служит точкой отсчёта новой жизни, и К. Кизи: Бромден («Над кукушкиным гнездом») покидает антиутопическое пространство. В одном из интервью В. Пелевин подтвердил своё пристрастие к счастливому финалу: «По-моему, хэппи энд – самое хорошее, что только может быть в литературе и в жизни. В принципе, у меня есть устойчивое стремление к хэппи энду» (Пелевин В. Виртуальная конференция с Виктором Пелевиным [Электронный ресурс] // Виктор Пелевин: сайт творчества. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-peirc/1.html> (дата обращения 04.10.2015)). Как видим, это в определённой степени распространяется даже на антиутопические тексты писателя, однако если они позволяют думать о хэппи энде, то таковой, как правило, индивидуален, почти никогда не социален.

Сформулируем сюжетный инвариант антиутопических произведений Б. Акунина.

Главный герой противостоит антиутопическому порядку: Ластик («Детская книга»), Эраст Фандорин («Азазель», «Планета Вода»).

Инквизитор пытается склонить героя на свою сторону, рассказывая о положительных чертах своего проекта. Андрогин Магдаитиро («Детская книга») предлагает Ластику остаться в будущем; леди Эстер («Азазель») хочет увлечь Эраста Фандорина благотворительной стороной своей деятельности, Нэп («Планета Вода») видит в нём идеального союзника.

“Старый Дом” появляется только в романе «Детская книга». Родной город Ластика – Москва – частица прошлого, и в качестве музейного экспоната, как Древний Дом в антиутопии «Мы», находится под стеклянным колпаком.

Любовь – часть естественного мира. В антиутопическом будущем («Детская книга») любовь считается отклонением от нормы; юная Беллинда («Планета Вода»), очарованная Фандориным, спасает его от гибели, а затем пытается спасти Нэпа. У Нэпа, влюбившегося в Беллинду, появляется шанс избавиться от своих навязчивых идей.

В финале акунинский герой спасается, а структура антиутопического мира разрушается. Эраст Фандорин («Азазель») избегает гибели, разрушает преступную организацию, но испытывает угрызения совести из-за брошенных на произвол судьбы сирот. Ластик («Детская книга») убегает из антиутопического мира, и появляется надежда на исправление ошибок прошлого, которые привели к подобному будущему; Фандорин («Планета Вода») спасает свою жизнь и разрушает антиутопическое пространство подводного города, но создатель «Амфибии» остаётся живым и обещает возродить Атлантис.

Работая с антиутопическими сюжетами, Б. Акунин исходит из детективного жанра, где преступником часто оказывается человек, на которого падает меньше всего подозрений. В перечисленных текстах Акунина главным “злодеем”, т.е. создателем антиутопического проекта, выступает довольно привлекательный человек (например, леди Эстер в «Азазеле», Нэп в «Планете Вода»), которого сложно заподозрить в “преступлении”. В детективе подобные сюжетные ходы – стандарт, пустая условность, для антиутопии же это нехарактерная черта, которая придаёт новое звучание данному жанру, отражая сложный, неоднозначный характер обсуждаемых социальных проблем.

В недавних произведениях В. Пелевина и Б. Акунина утопизму отводится большее место, чем в раннем творчестве обоих писателей, что объясняется реакцией на посткоммунистическую реальность России и мира, тоже далёкую от идеала. Эта же реальность меняет социальные мишени в антиутопических текстах В. Пелевина.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих работах:

Публикации в изданиях, включённых в реестр ВАК Минобрнауки РФ:

1. Камратова, М.А. Тоталитарные системы прошлого и настоящего: интертекстуальный анализ повести В. Пелевина «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» / М.А. Камратова // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 132 – 137.

2. Камратова, М.А. Утопические теории в романе Акунина-Чхартишвили «Аристония» / М.А. Камратова // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 166 – 170.

3. Камратова, М.А. Модели утопических проектов в повести Б. Акунина «Долина Мечты» / М.А. Камратова // Филология и человек. – 2015. – № 1. – С. 153 – 159.

Прочие публикации:

4. Камратова, М.А. Социальные модели в повести В. Пелевина «Затворник и Шестипалый» / М.А. Камратова // Труды молодых учёных АлтГУ: материалы XXXVII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – Вып. 7. – С. 191 – 192.

5. Камратова, М.А. Повесть В. Пелевина «Затворник и Шестипалый» в контексте антиутопических произведений / М.А. Камратова // Молодёжь – Барнаул: материалы XII городской научно-практической конференции молодых учёных (15 – 22 ноября 2010 г.): в 2 т. – Барнаул: Издательство ААЭП, 2011. – Т. 1. – С. 171 – 172.

6. Камратова, М.А. Роман В. Пелевина «Омон Ра» в контексте (анти)утопической традиции / М.А. Камратова // Труды молодых учёных АлтГУ: материалы XXXVIII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 8 (18 – 22 апреля 2011). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 195 – 197.

7. Камратова, М.А. Роман В. Пелевина «Омон Ра» на фоне антиутопии Е. Замятина «Мы» / М.А. Камратова, В.В. Десятов // Проблемы межтекстовых связей: сб. ст. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – С. 50 – 53.

8. Камратова, М.А. «Советский реквием» В. Пелевина / М.А. Камратова // Молодёжь – Барнаул: материалы XIII городской научно-практической конференции молодых учёных (14 – 21 ноября 2011 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 263 – 265.

9. Камратова, М.А. «S.N.U.F.F.» В. Пелевина как (анти)утопия / М.А. Камратова // Труды молодых учёных АлтГУ: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейских классов. Вып. 9. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 203 – 205.

10. Камратова, М.А. Социальная проблематика в повести В. Пелевина «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» / М.А. Камратова // Междисциплинарность психологии: правовой, экономический и филологический контексты: материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. – С. 40 – 44.

11. Камратова, М.А. Роман В. Пелевина «Бэтман Аполло» на фоне антиутопии Е. Замятина «Мы» / М.А. Камратова, В.В. Десятов // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета: материалы Первой региональной молодёжной конференции «Мой выбор – НАУКА!», XLI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Вып. 11. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 274 – 277.